

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XIV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 25–27 апреля 2018 г.)**

**Выпуск 14
Том 2**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

4. Николаева И.Ю. Ментальность гендерного казуса в свете теории модернизации // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 104–119.

5. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 554 с.

6. Могильницкий Б.Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 10–42.

7. Филатова Н.В., Филатов Ф.Р. О возможности исторического психоанализа // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4. С. 106–126.

Teterin A.Yu. CRITICISM OF CONCEPTION THE UNCONSCIOUS. EXPERIENCE OF B.G. MOGILNITSKY

The author considers criticism of psychohistory of B.G. Mogilnitsky in terms of its value for modern historical science. Actual criticism is based on the examination of the concepts of the unconscious in historical science. The author reveals the problem of verification in the framework of macro- and microhistorical analysis. Likewise, the article raises questions about other ways of confirmation the concepts in historical science. The problem of the distance between psychoanalysis and historical science does not remain without attention today. At the close of the article, there is a conclusion about the usefulness of critics of psychohistory of B.G. Mogilnitsky for contemporary historical knowledge.

Keywords: conception the unconscious, psychohistory, macroanalysis, microanalysis, B. G. Mogilnitsky.

А.В. Мунько

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧИНГИСХАНА НА ПРИМЕРЕ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ» И «РОМАНА О ЧИНГИСХАНЕ» ФРАНЦИСКАНСКОЙ МИССИИ 1245 ГОДА

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Хазанов

В статье исследуется переход коллективной и индивидуальной памяти в культурную, создание образа Чингисхана в монгольских текстах середины XIII века. Фигура Чингисхана во время правления Угэдэя становится «фигурой памяти», скрепляющей и соединяющей Монгольскую империю, начинается процесс создания «канона» изображения Чингисхана. Исходя из политической ситуации монгольской империи, в статье автор анализирует два источника, имеющих достаточно разные точки зрения на дея-

тельность Чингисхана. «Сокровенное сказание монголов» рассматривает деятельность Чингисхана преимущественно с положительной точки зрения, подчёркивая значимость дружины и армии в процессе создания государства. Однако в «Романе о Чингисхане» завоеватель представлен, наоборот, в сугубо отрицательных тонах.

Ключевые слова: культурная память, фигура памяти, Чингисхан, «Сокровенное сказание монголов», «Роман о Чингисхане».

В конце XX века в результате кризиса новоевропейского рационализма была выдвинута программа новой обновлённой методологии истории, где немаловажную роль играли категории культуры. Произошёл культурный поворот, одним из следствий которого стало развитие направления интеллектуальной истории – теории исторической памяти.

В данной статье мы будем опираться на теорию культурной и коллективной памяти, разработанной немецким исследователем Я.Ассманом. Он рассматривает основные формы проявления коллективной и культурной памяти, а также процесс перехода живых воспоминаний из коллективных и индивидуальных в культурную память, итогом которого становится формирование «канона» изображения исторического деятеля [1. С. 110]. Канон задаёт мерилу того, что считается в культуре великим, прекрасным и значительным, создаёт надёжные точки опоры, равенство и точность культуры [1. С. 114].

В исследовании нас интересует процесс создания и «канонизации» образа Чингисхана в монгольском обществе в правлении Угэдэя. *Целью* нашего исследования является рассмотрение создания образов Чингисхана в культурной памяти Монгольского общества XIII века, по средствам анализа ранних источников, воссоздающих биографию Чингисхана.

К середине XIII века в Монгольской империи происходит оформление двух «блоков»: партии военных и сторонников реформ при Угэдее. Если последние поддерживали реформаторский курс Елюй Чу-цая и представляли собой зарождающийся бюрократический аппарат и чиновничество [2], то первые были представителями вооружённой аристократии, «дружинники Чингисхана». Борьба этих партий, в большей степени за пути развития Монгольской империи, затронула вопрос об оценке деятельности Чингисхана. К этому времени фигура Чингисхана становится особой «*фигурой памяти*», являющейся объединительным фактором в Монгольской империи. Однако в связи с разным видением путей развития империи в обществе складывается несколько точек зрения на правление Чингисхана. Эти взгляды отражают представления о жизни Чингисхана, что, являясь относительно близкими к моменту жизни Чингисхана источниками, показывают совмещение индивидуальной и коллективной памяти, а также говорят о начале формирования «канона» изображения.

Источником в исследовании является «Сокровенное сказание монголов», автор которого, по мнению большинства исследователей [2; 3. С. 8], входил в дружину Чингисхана и принимал участие в походах. В «Сказание» даётся оценка деятельности Чингисхана с точки зрения его дружины.

Образ Чингисхана как воина и полководца раскрывается на протяжении всего текста, так, если, будучи Темучином, Чингисхан сбегал и прятался от меркитов, то Чингисхан участвует в битвах. Автор подчёркивает связь Чингисхана и дружины, в частности, в речи Чжамухи указывается, что Чингисхан едет во главе своей дружины. Однако автор не идеализирует Чингисхана как полководца: на начальном этапе вражды с Чжамухой автор говорит о поражении, которое Чингисхан потерпел от своего анды [4. С. 46].

Гораздо больше внимания в военном деле автор уделяет решениям Чингисхана, относительно порядка и устройства войска, а также условий раздачи наград, что усилило дисциплину в войске. Автор положительно относится к мерам Чингисхана по ужесточению дисциплины в армии, здесь можно говорить о том, что, по его мнению, Чингисхан проводил справедливую политику по отношению к армии и его жестокость может быть оправдана. Так, за разглашение его решения по отношению к пленным татарам и последующим потерям в войске, Чингисхан лишает Бельгута права принимать участие в этом совете [4. С. 47].

Автор уделяет внимание справедливому награждению гвардии, раздаче должностей. Не случайно опять говорим о «справедливом», с точки зрения автора, награждении в армии. Так, в параграфах 202–236, он подробно описывает награждение воинов [4. С. 101–122], вкладывает в речь Чингисхана подробное описание заслуг, в соответствии с которыми каждый назначался на должность в управлении армией:

«Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе создавали государство...» [4. С. 113].

Объединение в единое государство рассматривается автором как одно из важнейших достижений Чингисхана. При покорении племён Чингисхан, в большинстве случаев, говорит об обидах, нанесённых ему лично или тем, кто находится под его защитой. В параграфе 136 описывается преступление чжуркинцев по отношению к людям куреня Чингисхана, которых они убили. Помимо этого события, Чингисхан вспоминает и прошлые обиды от чжуркинцев. Таким образом, Чингисхан придаёт ещё большей легитимности своему походу и разгрому чжуркинцев.

Автор «Сказания», в большей степени положительно, относится к Чингисхану, подчёркивает значимость его реформ в армии, говорит о справедливом отношении Чингисхана к дружине. Личные воспоминания

автора накладываются на коллективную память и легенды о Чингисхане, создаётся определённый «канон» изображения Чингисхана, который затем будет достаточно идеализирован. Стоит отметить, что автор оправдывает жестокость Чингисхана, говоря о его справедливом отношении.

Совершенно другое отношение к Чингисхану мы можем увидеть в «Романе о Чингисхане», записанном во время францисканской миссии 1245 года Иоанном де Плано Карпини. Безусловно, текст является спорным источником, но, на наш взгляд, концепция А.Г. Юрченко имеет вполне релевантное объяснение, с помощью использования которой можно объяснить большую часть вопросов к тексту [5]. Юрченко относит автора «Романа» к элите, считает, что автор был переводчиком с тюркских языков. Т. е. можно сказать, что автор принадлежал к кругу элиты и чиновничьей аристократии, которая была оппонентом в борьбе с «партией» дружинников Чингисхана.

Автор «Романа» практически сразу описывает Чингисхана в отрицательных тонах. Он подчёркивает жестокость и алчность Чингисхана, говорит, что «он обучился похищать людей и захватывать себе добычу» [6. С. 109]. Объединение земель, видится автору как насильственные захваты, стремление Чингисхана к максимальному увеличению данников.

Мы можем говорить о различном отображении в формирующейся культурной памяти народа одних и тех же черт Чингисхана. Если автор «Сказания» оправдывает жестокость Чингисхана необходимостью поддержания дисциплины в армии, то для автора «Романа» жестокость завоевателя расценивается как отрицательная черта. Отметим, что в «Сказании» Чингисхан показан как исполнитель воли Неба, в «Романе», наоборот, повествуется в фантастическом будущем то, что завоеватель готов преступить волю Неба ради завоевания новых территорий.

Подводя итог, отметим, что при переходе от коллективной к культурной памяти тексты отражают сходные элементы, но по-разному их интерпретируют. Такое разногласие может быть рассмотрено как конфронтация «партий» за влияние на выбор пути развития. Несмотря на то, что в строительстве империи победили сторонники реформ, образ Чингисхана был сохранён и канонизирован из текста «Сказания», т.к. монгольская знать пыталась провести интеграционную политику в империи.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 368.

2. Гумилёв Л.Н. К вопросу о «тайной» и «явной» истории: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article04.htm>, свободный (дата обращения: 18.02.2018).

3. Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана. Сочинения Т. 5. М.: Наука, 1968. С. 759.

4. *Сокровенное* сказание монголов / Перевод С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. С. 156.

5. Юрченко А.Г. Игра с мифами и символами или империя Чингис хана в обратной перспективе (опыт интерпретации средневековых текстов) // Вестник Евразии. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/igra-s-mifami-i-simvolami-ili-imperiya-chingis-hana-v-obratnoy-perspektive-oryt-interpretatsii-srednevekovykh-tekstov>, свободный (дата обращения: 18.02.2018).

6. Юрченко А.Г. Империя и космос: реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. С. 107–117.

Munko A.V. THEORY OF CULTURAL MEMORY AND DEVELOPMENT OF THE IMAGE OF CHINGISKHAN ON THE EXAMPLE OF THE "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS" AND "THE ROMAN ABOUT CHINGISHAN" OF THE FRANCISCAN MISSION ON 1245

This article researching the transition of collective and individual memory to cultural memory. The author investigates the process of creating the image of Genghis Khan in the Mongol texts of the middle of the 13th century. We reflect that the figure of Genghis Khan becomes a symbolic "figure of memory" during the reign of Khan Ogedei. The article also researching the process of invention a "canon" of the image of Genghis Khan. "The Secret History of the Mongols" considers the activities of Genghis Khan to a greater from a positive point of view. The author of "the novel about Genghis Khan" represents him as a negative hero.

Keywords: cultural memory, Genghis Khan, "The Secret History of the Mongols".

Т.Е. Белоруссова

ПРОВАНСАЛЬСКИЙ РОД Д'АЛЬМАН В ЛАТИНСКОЙ ГРЕЦИИ: ДЕРЖАТЕЛИ БАРОНИИ В ПАТРАХ (1209–1267)

Науч. рук. – д-р ист. наук А.С. Мохов

Статья посвящена изучению истории латинских государств, возникших на территории Греции после IV крестового похода. Автор рассматривает вопросы политического устройства Морейского княжества в первой половине XIII в. на примере баронии Патры. Это крупное феодальное владение возникло после завоевания Пелопоннеса крестоносцами в 1205–1209 гг. и существовало до 60-х гг. XIII в. По мнению автора, данные источников